

**Игорь БАРИНОВ,
Иван СТРЕЛКОВ**

А.В. КОПЫСТЯНСКИЙ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, 1918-1920 гг.

Среди национальных движений славянских народов Восточной Европы путь галицкого русофильства и поддерживавшей его интеллектуальной традиции был довольно тернистым. Зародившись в начале XIX в. и представляя собой характерный для Европы того времени рост национального самосознания, русофильство находилось во враждебном окружении и испытывало прежде всего неприязнь поляков и венгров - соседей по «лоскутной» Габсбургской монархии.

В Галиции, с XIV в. находившейся в составе других государств, русофилы считали необходимым сохранение собственной идентичности в условиях структурного доминирования других народов. В целом же государственная идеология Австро-Венгрии была, из-за опасения потери влияния в регионе, нацелена, с одной стороны, на поддержку оппонентов русофилов – украинофилов, а с другой, в противовес, - на поддержку польских требований. Настрой Вены относительно образовательной политики в Галиции был очевиден: по данным статистики, в 1910 г. в Галиции существовало только 6 русинских гимназий, тогда как польских было в 9 раз больше¹. Трудность самоопределения и особенности политического размежевания, как считают современные российские исследователи, лежали и в языковой плоскости: развитие «народного» языка и связанные с ним идеи украинофилов накладывались на стремление русофилов принять литературный русский язык².

Что касается общественно-политических устремлений русинов, то в этом отношении австрийские власти были целиком на стороне украинофилов, объявивших свою историко-культурную обособленность от России, а Галицию – «этнографическим водоразделом между Востоком и Западом»³. В дальнейшем, уже в ходе боевых действий, украинофильская пресса стремилась дискредитировать русофильское движение надуманными утверждениями о том, что оно было признано поляками с единственной целью – скрыть свое поражение на выборах в провинциальный сейм Галиции⁴. По этому

поводу либеральный киевский автор Андрей Никовский (Яринович) отмечал, что украинское в политическом отношении «не исключает русинского», а языковые особенности не должны мешать рассматривать Галицию, практически неизвестную в России, в связке с остальными украинскими территориями⁵.

В этой связи русофилы твердо встали на позиции, согласно которым рассматривали Россию как центр политического тяготения, а себя – в качестве неотъемлемой части русской культурной ойкумены. Особый акцент делался на традиционные духовные связи с Россией, проводниками которых становились жившие и работавшие там карпаторусы⁶. Выразителями русофильства в Галиции стали несколько поколений интеллектуалов, начиная от А. Добрянского, И. Наумовича, Б. Дедицкого и И. Шараневича и заканчивая братьями Марковыми, братьями Вергунами и В. Вавриком. На их фоне менее известны жизнь и деятельность А.В. Копыстьянского.

Адриан Владимирович Копыстьянский родился 5 августа 1883 г. в лемковской семье и, по некоторым данным, происходил из шляхетского рода Добромильского повета Червонной Руси, который еще в XVII в. дал русинского писателя и интеллектуала Захарию Копыстенского. После окончания Львовского университета работал учителем истории и географии в галицийских гимназиях. Личность доктора Копыстьянского являет собой пример классического галицко-русского интеллигента начала XX в.: помимо преподавания, он занимался историей края⁷, а также просветительской деятельностью, будучи членом благотворительного общества им. Михаила Качковского.

Не секрет, что, хотя русинов в России было принято считать русскими, в обществе и правящих кругах шли споры о том, нужно ли присоединять Галицию и есть ли вообще связь между «русскими» и русскими⁸. С началом войны государственная пропаганда обратилась к идее «возвращения исконных русских земель», находившихся в составе Австро-Венгрии. Тем не менее, после занятия русской армией Галиции летом-осенью 1914 г. выяснилось, что никакой четкой программы действий по инкорпорированию новых территорий в состав империи, равно как и решения национального вопроса в регионе, не было.

Ситуация осложнялась и тем, что выработкой основ управления Галицией занимались разные военные и гражданские органы: Совет министров, МИД, Государственная Дума, ставка. Так, МИД стремился обеспечить слияние Галиции с Россией в административном отношении, что выразилось в учреждении губерний и уездов, то есть в создании управления по общеимперской схеме. Однако недостат-

ком этой системы были не столько программные моменты, сколько низкий уровень подготовки посланных в Галицию чиновников. Ситуация осложнялась сохранением австрийского судебного законодательства и господствовавших в этой сфере языков, а также неудачной попыткой наладить отношения с униатским духовенством⁹.

Не было единства и среди интеллектуалов: если Д. Вергун предлагал разделить Галицию между Россией и Польшей¹⁰, то видный галицийский общественный деятель Марьян Глушкевич считал, что присоединение всего Прикарпатья является «неизбежной исторической национальной задачей» и «удовлетворением важнейших интересов и насущных проблем» России¹¹.

Копыстьянский, до войны избежавший судебного преследования, а с началом боевых действий – отправки в концлагерь, которой в массовом порядке подвергались русофилы, летом 1915 г. был вынужден вместе с отступавшими русскими войсками уехать из Галиции. Тогда родные места покинули около 228 тыс. русинов (по официальной переписи 1910 г. русинское население Австрии составляло 3,2 млн человек)¹². Он обосновался в Ростове-на-Дону, ставшем центром галицко-русских беженцев, куда из Киева переехал Русский народный совет – организация, координировавшая деятельность русофилов в России. В русской печати стали появляться публикации Копыстьянского: так, в 1916 г. петроградский журнал «На новом пути» напечатал его большую статью «Из прошлого Галицкой Руси», выпущенную впоследствии отдельной брошюрой, а осенью 1917 г. в Ростове-на-Дону вышла его программная работа «Возможно ли отделение Украины от России?».

Помимо достаточно общих и расхожих на тот период времени утверждений представителей галицко-русского движения о том, что русины Галиции и русские едины «в антропологическом, религиозном и лингвистическом отношении» и что русины – это их «общее имя»¹³, Копыстьянский указывал, что подлинному единению будет способствовать возвращение России к прежней русской идее взамен имперского попустительства и украинофилии Временного правительства, ставших причиной роста антирусофильских настроений галичан¹⁴. Копыстьянский подчеркивал, что именно увлечение «иноземными» (европейскими) идеями отдалило Россию от понимания истинного положения русинов и самой Галиции, которую, по его словам, даже националисты называли Русью¹⁵. Более того, он считал, что войну следовало вести до полного присоединения Карпатской Руси к России¹⁶. Отвергая идею Вергуна о разделе Галиции и солидаризируясь с Глушкевичем, Копыстьянский частично соглашался с Никовским относительно попыток поляков привлечь

русинов на свою сторону путем расширения толкования этнонима «поляк», а также при помощи дифференциации населения Галиции по племени, нации и конфессии¹⁷.

Вскоре после выхода работы Копыстьянского произошла Октябрьская революция. В условиях начинавшейся в России гражданской войны на Дону образовалась Добровольческая армия, при которой стал формироваться Карпаторусский добровольческий отряд из живших в Ростове галицко-русских беженцев. В январе 1918 г. заместитель главы Русского народного совета Григорий Малец обратился к своим землякам, призвав их вступать в отряд, в котором, согласно договоренности с командующим Добровольческой армией генералом М.В. Алексеевым, можно было самим выбирать командира, а русины – офицеры австрийской армии сохраняли свои звания¹⁸.

Помимо воинских формирований продолжали работу политические карпаторусские организации. Как мы знаем, в Ростове-на-Дону действовал Русский народный совет Прикарпатской Руси (РНС) под председательством Ивана Костецкого. Идейная направленность совета хорошо показана в его воззваниях от 28 декабря 1918-го и 15 января 1919 г., неопределенно адресованных «к русским людям».

Первое воззвание, «К вопросу о самоопределении Галицкой, Буковинской и Угорской Руси», содержало в основном доказательства того, что Галиция – русская, а не украинская и не польская земля. Набор аргументов напоминал риторику Белого движения: Украина обозначалась как искусственное понятие, созданное для ослабления России¹⁹. Стараясь идти в ногу с современными идеями самоопределения народов, авторы воззвания представили польское владычество в Галиции как тиранию и подавление национальной жизни «русского» населения²⁰. Следующее воззвание развивало эти положения. Ввиду победы союзников в Первой мировой войне, совет схематично показывал историю русинов в XIX в. как постоянную конфронтацию с Австрией, в которой они были слабой и страдающей стороной. Особое внимание было уделено трагической судьбе русинов во время войны, когда их тысячами отправляли в концентрационные лагеря за приверженность русофильству²¹.

Украинское движение, хотя и представлялось маргинальным течением среди галицийской интеллигенции, тем не менее, рассматривалось как реальная угроза. Если в 1917 г. наибольшую практическую пользу для России от присоединения Карпатской Руси М. Глушкевич видел в экономических и геостратегических преимуществах Галиции²², то в воззвании отмечалась возможность разделиться с «мазепинством»²³. Оба воззвания завершались детальным описанием будущей российской границы в Прикарпатье.

Другим центром карпаторусского движения стал контролировавшийся Временным Сибирским правительством Челябинск, где в октябре 1918 г. был образован Центральный карпаторусский совет (ЦКС). Его возглавил А. Копыстьянский, возможно, переехавший на восток России по договоренности с Костецким и белым командованием на Дону. Политическая позиция этого совета была сформулирована в особой декларации. В ней отвергалась партийность, провозглашались демократизм, политическое освобождение Карпатской Руси, ее единство с Россией и Малороссией, Угорской и Буковинской Русью²⁴. Задача присоединения Карпатской Руси обосновывалась не только этнической общностью ее населения с остальной Россией, но и экономическими соображениями для образования общей границы с Чехословакией²⁵. На предшествовавшем образованию совета Первом Карпаторусском съезде (5-6 октября 1918 г.) делегаты протестовали против претензий Польши, Румынии и Чехословакии на части Карпатской Руси и указывали, что многие русинские эмигранты не только в России, но и, в частности, в США, обращались к белым с просьбой содействовать воссоединению Прикарпаття с Россией²⁶.

При этом, как и Русский народный совет Прикарпатской Руси, ЦКС отмечал сильные сепаратистские устремления украинофилов и отсутствие у населения Прикарпатской Руси единого представления о собственной национальной принадлежности (часть называла себя русскими, часть – украинцами²⁷). Это в свою очередь объяснялось как австро-венгерской пропагандой, так и политикой царского правительства в русской части Украины²⁸. Также нужно упомянуть о ярко выраженной антибольшевистской позиции ЦКС, который был солидарен с мнением Чехословацкого совета о большевиках как агентах Берлина и Вены²⁹. В целом предполагалось, что финальный статус всех прикарпатских территорий утвердит Всероссийское Учредительное собрание.

Несмотря на общие с ростовской организацией черты (русофильство, неприятие украинского движения и антибольшевизм), аргументация совета, возглавляемого Копыстьянским, выглядит более продуманной. Обращает на себя внимание более трезвое объяснение успехов украинской пропаганды и экономических интересов России в Галиции. Возможно, обличительная фразеология в адрес царской администрации была необходима для того, чтобы подчеркнуть заявленный «демократизм» ЦКС, тем не менее, такая позиция представляется более разумной, чем та, которая отразилась в воззвании РНС.

Перебравшись вслед за отступающими белыми войсками в конце 1918 г. в Омск, ЦКС развернул активную практическую деятель-

ность. О ее направлениях и масштабах можно судить по отчету, представленному Копыстьянским на Втором Карпаторусском съезде 14-15 апреля 1919 г.

Согласно этому отчету, оказавшись в Сибири, карпаторусские политики стремились прежде всего организационно подготовиться в возвращению в родной край, чтобы суметь взять местную власть в свои руки. Эта задача обусловила их деятельность. В первую очередь они выдвинули идею создания карпаторусских вооруженных сил. 16 октября 1918 г. Копыстьянский заключил с Чехословацким национальным советом военную конвенцию, согласно которой русинские части стали оперативно подчиняться чешскому командованию³⁰. Это объяснялось тем, что и те, и другие еще совсем недавно принадлежали общей армии – австрийской. Военный союз с чехословаками продолжался до 1 февраля 1919 г. После этого карпатские части вошли в состав армии адмирала Колчака. Совет стремился нивелировать последствия украинофильской агитации среди военнопленных – уроженцев Карпатской Руси, принимались меры по улучшению материальной жизни карпаторусов в сборных лагерях³¹.

Успехи в этом направлении были относительными. В начале февраля 1919 г. Карпаторусский совет сообщал военному министру Николаю Степанову, что карпаторусский отряд формируется как отдельная часть русской армии при всех родах оружия. Официальным и командным языком был русский, но в обращении между офицерами и солдатами допускалась «малороссийская речь». Основной проблемой отряда была нехватка командного состава: при рядовом составе в 1024 человека офицер был всего один. В этой связи была создана учебная команда под руководством русских офицеров, а командирами временно назначены 17 австрийских офицеров из военнопленных³². Нехватка офицеров ощущалась и позже. Для пополнения офицерского резерва руководители карпаторусского движения в июне того же года через главу Омского МИДа Ивана Сукина собирались обратиться к правительству Италии с просьбой отпустить из плена военнослужащих австрийской армии – русинов по национальности³³.

Нужно отметить, что ЦКС пытался охватить своим влиянием не только бывших военнослужащих, но и всех беженцев из Галиции, оказавшихся в Поволжье, на Урале и в Сибири. Проводилась работа по их регистрации, смысл которой состоял в том, что все уроженцы Галиции должны были явиться в организацию совета, предъявить там документы, подтверждавшие право на жительство в Сибири, и получить взамен удостоверение. О масштабах этой деятельности судить трудно, но известно, что она была официальной – 15 мая

1919 г. колчаковское Министерство внутренних дел объявило ЦКС единственной структурой, обладавшей полномочиями в отношении организации карпаторусов³⁴. Омское правительство, таким образом, практически поддержало галичан-русофилов, что могло иметь последствия в случае победы Белого движения и присоединения Прикарпатья к России.

Кроме того, это имело и политический смысл ввиду набиравшей силу в Сибири украинофильской агитации. Это беспокоило и МИД, и МВД: летом 1919 г. первое ведомство сообщало второму, что председатель Алтайской Украинской рады Владимир Строкан просил освободить из концлагеря военнопленных галичан-украинофилов, ведущих просветительскую и агитационную работу среди украинских беженцев в пользу независимости Украины³⁵. Среди агитаторов преобладали интеллигенты – учителя и студенты. Видимо, в этих условиях было решено оставить единственный легальный путь в Галицию через русофильский ЦКС, а заодно и собрать данные о желающих репатриироваться.

В отчете о промежуточных результатах регистрации Копыстьянский не стал скрывать существовавшие сложности. Он сообщил, что регистрации мешают два фактора: неосведомленность о ней беженцев и непонимание ее необходимости³⁶. Апатично к идее возвращения на родину относилась интеллигенция, которая, по идее, должна была бы знакомить широкие массы с организационной работой совета. С другой стороны, по имевшимся у Копыстьянского сведениям, сами эти массы больше интересовались перспективой возвращения. Наиболее активными в отношении подготовки к репатриации были колонии в Поволжье, Западной и Центральной Сибири. Очень слабо было поставлено дело на Дальнем Востоке³⁷. Какие-либо численные показатели в отчете отсутствовали, что ограничивает возможности анализа работы по регистрации. Вместе с тем, показательным выглядит факт равнодушного отношения русинской интеллигенции к работе Совета, особенно на фоне сообщений об усиленной украинофильской агитации в этой среде.

На фоне относительных успехов внутренней организации карпаторусских беженцев куда более проблематичным представляется вопрос о международном положении Карпатской Руси. Так, сразу же после распада Австро-Венгрии, 24 ноября 1918 г. во Львове был образован Русский исполнительный комитет, куда вошли Д. Марков и другие видные деятели русофильского движения. Комитет отправил делегатов к белым правительствам севера и юга России для установления официальных контактов и зондирования их позиций относительно правового статуса Прикарпатья³⁸. В июне

1919 г. член Русского политического совещания в Париже, бывший министр иностранных дел Российской империи Сергей Сазонов сообщал в Омск, что разные группы «русских Австро-Венгрии» придерживаются разных направлений и только группа Маркова открыто требует воссоединения с Россией³⁹. В этой связи Копыстьянский на правах представителя русофильского движения на востоке попросил Сазонова передать Маркову, что с его стороны необходимо официальное признание власти Колчака⁴⁰. В начале июня 1919 г. совет начал активно призывать всех карпаторусов Сибири к мобилизации, аргументируя это тем, что в Галицию следует вернуться в организованном порядке, а лучший путь организации – это армия⁴¹.

Однако реальная политика, вершившаяся на Парижской мирной конференции, заставляла Сазонова оперировать уже сложившимися установками и фактами. Еще в мае 1919 г. стало ясно, что, в частности, Угорская Русь, не надеясь на скорое окончание гражданской войны в России, уже отказалась от идеи воссоединения. На вопрос А.А. Нератова, управлявшего отделом иностранных дел при генерале А.И. Деникине, о будущем самой идеи воссоединения разрозненных частей русинской нации с Россией, так активно пропагандировавшейся Копыстьянским, Сазонов почти месяц спустя ответил, что Закарпатье переходит в состав Чехословакии, так как не ждет в ближайшее время помощи от России и боится быть поглощенным Польшей⁴². Примечательно, что Сазонов говорил об этом как о свершившемся факте, очевидно, понимая текущую ситуацию и не желая портить отношения с чехословаками, которых белая дипломатия рассматривала как будущих союзников России.

Еще через месяц, в июле 1919 г., завершились шедшие уже более полугода боевые действия в Галиции, в результате чего она попала под власть Польши. Не лучше складывалась ситуация для белых и карпаторусов и в самой России. В результате наступления Красной армии в июне-июле 1919 г. под контролем большевиков оказалась значительная часть Урала, а уже в августе того же года войска Колчака начали общее отступление на восток. Таким образом, летом 1919 г. деятельность русофильских организаций в Галиции была парализована, а две территории, на присоединении которых к России настаивали русофилы, оказались за пределами какого-либо влияния белых.

Несмотря на тяжелое положение, Омское правительство продолжало держать курс на сотрудничество с ЦКС, настаивая на сохранении Галиции даже в катастрофический для него декабрь 1919 г.: так, 5 декабря Колчак передавал Деникину и Сазонову, что не допустит никаких территориальных уступок за счет русинских территорий.

Можно сказать, что это было последнее слово правительства Колчака по вопросу о Карпатской Руси, так как уже в январе 1920 г. оно прекратило свое существование. Вместе с ним перестал существовать и ЦКС.

Еще до окончания гражданской войны в России А.В. Копыстьянский вернулся в Галицию, где возобновил преподавательскую работу в гимназиях и выпустил ряд исследований, посвященных как истории края, так и трагическим событиям недавнего прошлого, очевидцем которых он стал⁴³. Скончался бывший председатель Центрального карпаторусского совета во Львове 20 января 1938 г.

* * *

Начало XX в. в Европе было бурным, чрезвычайно богатым на события временем. На фоне смены эпох проявляли себя самые разные политические движения и интеллектуальные традиции. Заметное место среди них занимает галицко-русская духовно-культурная индивидуальность. Представлявшие ее ученые, литераторы и политики играли заметную роль в порой трудных и запутанных национально-культурных коллизиях, связанных не только с Галицией, но и со всем комплексом межнациональных отношений на украинских землях. Галицко-русские интеллектуалы стали свидетелями и непосредственными участниками как сугубо региональных событий, так и глобальных политических процессов, определивших не только новую расстановку сил в Европе, но и ход мировой истории.

А.В. Копыстьянский, типичный представитель галицийского русофильства своего времени, был убежденным сторонником включения Прикарпатской Руси в состав России. Для русофилов это была первоочередная задача, за которую вся Русь была бы «ответственна перед историей»⁴⁴. Для этих целей он под эгидой Белого движения организовал и возглавил Центральный карпаторусский совет, призванный как создать условия для жизни оказавшимся в России карпаторусским беженцам, так и совершить определенные практические шаги по осуществлению заявленной им концепции (например, создание боевых карпаторусских формирований).

Идейный союз русофилов и белых, однако, столкнулся с реалиями европейской политики, в том числе намерениями новообразованных государств (Польши и Чехословакии) включить населенные русинами земли в свой состав, поддержанными решениями Парижской мирной конференции. Слабость белой дипломатии, шаткое положение Белого движения на международной арене и его зависимость от союзников не дали русофилам возможности осуществить задуманное. Тем не менее, деятельность А.В. Копыстьянского в России в годы гражданской войны убеждает нас, что сама русская идея

не только была уделом интеллектуалов, но и обладала потенциалом в сфере политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Guttry A. von.* Galizien. Land und Leute. München-Leipzig, 1916. S. 37.
2. *Бахмурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны 1914-1917 гг. М., 2004. С. 118.
3. *Guttry A. von.* Op. cit. S. 3.
4. *Ukrainisches Korrespondenzblatt.* 1914. № 3.
5. *Яринович А.В.* Галичина в ее прошлом и настоящем. М., 1915. С. 17, 20-21.
6. *Вергун Д.Н.* Что такое Галиция? Птг., 1915. С. 25, 27-28, 31.
7. *Kopystiański A.* Michał Zygmuntowicz książę Litewski. Monografia historyczna. Lwów, 1906; Он же. Оповідання з історії австрійсько-угорської держави в зв'язи з всесвітньою історією. Коломия, 1914.
8. *Бахмурина А.Ю.* Указ. соч. С. 118.
9. Там же. С. 118, 176.
10. *Вергун Д.Н.* Указ. соч. С. 46.
11. *Глушкевич М.Ф.* Взгляд на прошлое, настоящее и будущее Прикарпатской Руси в связи с Великой войной. Ростов-на-Дону, 1917. С. 4, 23.
12. Там же. С. 21; *Authority, Identity and the Social History of the Great War.* New York-Oxford, 1995. P. 205.
13. *Копыстянский А.В.* Возможно ли отделение Украины от России? Ростов-на-Дону, 1917. С. 4-5, 8.
14. Там же. С. 17, 42.
15. Там же. С. 11.
16. Там же. С. 17-19, 50.
17. *Копыстянский А.В.* Из прошлого Галицкой Руси. Птг., 1917. С. 8-9; *Яринович А.В.* Указ. соч. С. 26.
18. *Орлевич І.В.* Галицьке русофільство під час Першої світової війни // Ювілейний збірник на пошану Степана Гелея. Львів, 2011. С. 243.
19. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 11. Л. 4.
20. Там же.
21. Там же.
22. *Глушкевич М.Ф.* Указ. соч. С. 30.
23. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 11. Л. 4.
24. Там же. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 357. Л. 1.
25. Там же. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 601. Л. 43.
26. Там же. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 357. Л. 4, 72.
27. Там же. Л. 3.
28. Там же. Л. 4.

29. Куделя И. Зборов: очерк истории чехословацкого революционного движения. Челябинск, 1918. С. 11.
30. Карпаторусское слово. 1919. № 10.
31. Там же.
32. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 357. Л. 28 об.
33. Там же. Л. 64.
34. Карпаторусское слово. 1919. № 14.
35. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 369. Л. 100.
36. Карпаторусское слово. 1919. №12.
37. Там же.
38. Орлевич I.B. Указ. соч. С. 244.
39. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 369. Л. 152.
40. Там же. Д. 357. Л. 70.
41. Карпаторусское слово. 1919. № 13.
42. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 66. Л. 22-23.
43. См.: *Копистянський А.* Історія Руси (в 3 тт.). Львів, 1931-1933; *Он же.* Значение Талергофа: 2-й Талергофский съезд. Речи, приветствия, отзывы. Талергофская выставка. Львов, 1934; *Он же.* Всенародный русский праздник в г. Перемышле. Львов, 1937.
44. *Глушкевич М.Ф.* Указ. соч. С. 23.

Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org>

Сайт создан в 1999 г. и содержит материалы по истории Малороссии, создания украинского языка и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных авторов (С. Сидоренко).